
Quill
Мы нарушили
темноту

Quill

Мы нарушили темноту

«Автор»
2026

Quill

Мы нарушили темноту / Quill — «Автор», 2026

Шепот ветра, проникающий сквозь густые кроны деревьев, казался не просто звуком природы, а предзнаменованием. Он нес в себе отголоски давно забытых времен, когда лес был не просто местом обитания диких зверей, а живым существом, дышащим и чувствующим. Сестры, ступившие под его сень, ощутили это всем своим существом. Воздух здесь был плотнее, насыщенный ароматами влажной земли, прелой листвы и чего-то еще, неуловимого, но тревожащего. Каждый шорох, каждый треск ветки казался им значимым, словно лес пытался говорить с ними, предупреждая или, быть может, приглашая в свои глубины.

© Quill, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Quill
Мы нарушили темноту

Глава 1

Даже в этой кажущейся монотонности, где каждый день перетекал в следующий, словно капли дождя, сливающиеся в ручей, таились свои, пусть и приглушенные, отголоски чего-то иного. Мы, конечно, готовились к размеренному существованию, к предсказуемости, которая должна была стать нашим спутником. Но душа, даже самая спокойная, жаждет иного, ища искры в обыденности. Ливия, моя старшая, моя путеводная звезда, воплощение всего самого светлого и неповторимого в моей жизни. Её кожа, словно первый снег, её волосы, обрамляющие лицо тёмным каре, и глаза, в которых мерцает янтарный свет, как в сокровищнице, – всё в ней говорило о внутренней силе и неиссякаемой доброте. Ей двадцать два, и в ней сочетаются стойкость характера и безграничная жизнерадостность, отзывчивость, которая согревает даже в самые холодные дни. А я, Мари, её младшая сестра, двадцатилетняя, с волосами цвета ночи, ниспадающими до плеч, с кожей, такой же бледной, как у Ливии, и глазами, тёмно-карими, как спелый шоколад. Мой характер – это отдельная история. Я не могу назвать себя доброй в общепринятом смысле, но и грубость, и злость вызывают во мне отторжение. Я ценю тишину и умиротворение, ищу гармонию в мелочах. Есть во мне что-то, что я сама не до конца понимаю, что-то, что мама пыталась скрыть, как и в Ливии. Но эти воспоминания, связанные с постоянной сменой родителей, с неопределенностью, лучше оставить в прошлом, где им и место. Именно эта «странность», как её называла мама, была тем невидимым мостом, который, как мне казалось, связывал нас с Ливией, несмотря на все наши различия. Она, с её солнечным нравом, всегда умела находить выход из любой ситуации, а я, погруженная в свои мысли, часто терялась в лабиринтах собственного сознания. Но когда мы были вместе, мир вокруг нас обретал иные краски. Мы могли часами бродить по пустынным улицам нашего городка, наблюдая за тем, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в немыслимые оттенки. Или сидеть на берегу реки, слушая её неспешное течение, и делиться самыми сокровенными мечтами, которые, казалось, никогда не смогут воплотиться в жизнь в этом забытом, убогом месте. Но именно в эти моменты, когда мы были вдвоем, я чувствовала, что даже самая обычная жизнь может быть наполнена смыслом, если рядом есть тот, кто понимает тебя без слов, кто разделяет твои радости и печали. Ливия была таким человеком. Она была моим якорем в этом бурном море неопределенности, моей тихой гаванью, где я могла найти утешение и поддержку. И даже если наш городок казался скучным и предсказуемым, я знала, что с ней рядом любое приключение, даже самое незначительное, обретало особый, неповторимый оттенок.

Мы долго размышляли над тем, где нам обосноваться и как обеспечить себе достойный заработок. К счастью, эти вопросы решились без особых затруднений. Переезд состоялся лишь после кончины нашей приемной матери, когда мы решили обрести тихую гавань, подальше от нарастающих сложностей, с которыми столкнулись в суете большого города. Поиск подходящего жилья также не стал проблемой. Мы обнаружили идеальное место для уединения – скромный домик, который отпугивал потенциальных покупателей своей близостью к лесу. Именно это и привлекло нас. Финансовые вопросы также разрешились неожиданно легко. Уже на следующий день Ливия нашла себе занятие: она стала присматривать за детьми. Несмотря на то, что сама она не испытывала особой любви к малышам, они отвечали ей взаимностью и тянулись к ней. Со временем Ливия освоилась, научилась находить общий язык с детьми и даже стала получать удовольствие от общения с ними. Я же, не сохранив воспоминаний о собственном детстве, совершенно не представляла, что значит быть ребенком. Быть маленьким,

не понимающим всего происходящего, полностью зависящим от незнакомых людей, которых видишь впервые. Возможно, это связано с ограниченностью восприятия в столь раннем возрасте. Вряд ли мне когда-нибудь удастся постичь эту тайну. К тому же, ни у меня, ни у Ливии не было никакого образования. Это добавляло тревоги, ведь найти работу для двоих, да еще и без каких-либо документов, было непросто. Особенно тяжело приходилось мне. Мои попытки найти хоть какое-то занятие, где не требовались бы дипломы или опыт, часто заканчивались отказом. Я чувствовала себя бесполезной, словно невидимая тень, в то время как Ливия, с ее природной способностью находить общий язык с людьми, уже обрела свое место. Ее работа с детьми, хоть и не была мечтой, давала ей уверенность и стабильность, которых мне так не хватало. Я же продолжала искать, надеясь, что и для меня найдется хоть какая-то ниша, где я смогу быть полезной и почувствовать себя частью этого нового, тихого мира, который мы так старательно строили.

Я сидела дома в ожидании сестры. Мне было очень скучно. Я, конечно, добивалась этого, но не думала, что сестра правда решит оставить меня так надолго. Целыми днями я сидела дома одна, и меня это ужасно бесило. Мне уже казалось, что она от меня отвернулась, а что хуже — у меня никого никогда и не было. В голове крутилась одна мысль: а что, если бы Ливии не было? Что, если бы я осталась совсем одна? Может, когда-нибудь это и станет правдой, но пока я должна жить настоящим. Дорожить тем, что есть, и теми, кто рядом. Так проходили мои дни — одной, в этом небольшом доме. Дом был вроде обычный: всего четыре комнаты — ванная, спальня, кухня и гостиная. Ещё была терраса, что очень удачно: с неё открывался вид на лес и на большое озеро в нескольких километрах от дома, но туда я ещё не ходила. Лес был большой, и жители города говорили о странных звуках, доносящихся оттуда. Но кто знает, может, это были всего лишь лесные звери. Я несколько раз осматривала окрестности, ходила вокруг дома и исследовала каждую комнату. В лес заходила, но не слишком далеко — боялась потеряться. А потом снова возвращалась в комнату и ждала приезда Ливии, пока она всё работала и находилась в городе. Не знаю, чем именно она занималась, помимо детей, но было видно, что после приезда ей было не до меня. Она валилась с ног, не могла устоять на своих двоих и, просто сев на кровать, в ту же минуту засыпала. Времени хватало только на приветствие и пожелание спокойной ночи. Я её прекрасно понимала, но нельзя же так переутомляться. Нужно было что-то делать, а не бездельничать и сидеть сложа руки. Я решила, что с завтрашнего дня поеду с ней в город. Попробую найти себе дело, по крайней мере, безопасное для всех. А пока, направившись в гостиную, я начала свою очередную уборку — приводить в порядок и без того чистый дом. Это было, пожалуй, единственное занятие, не считая учёбы через интернет на ноутбуке: какие-то курсы разного направления, но больше всего меня интересовали компьютерные курсы, изучение чего-то столь удивительного, как всемирная сеть…

Я сидела за столом, уткнувшись в экран ноутбука, пальцы скользили по клавиатуре, пытаясь ухватить суть очередного урока. Мир интернета казался безграничным, полным загадок и возможностей, и я чувствовала, как во мне просыпается интерес, который мог бы стать моим спасением от этой гнетущей скуки. Но даже погружение в виртуальную реальность не могло полностью заглушить тревогу. Мысли о будущем, о том, что будет, если Ливия действительно перестанет быть частью моей жизни, не давали покоя. Внезапно я услышала звук подъезжающей машины. Сердце ёкнуло. Неужели она? Я вскочила, бросив ноутбук на стол, и побежала к окну. Действительно, это была её машина. Она выглядела ещё более уставшей, чем обычно, когда выходила из машины. Я бросилась к двери, чтобы встретить её, но остановилась на пороге. В её глазах я увидела не только усталость, но и какую-то новую, незнакомую мне печаль.

— Лив! – вырвалось у меня.

Она подняла голову, и на её лице появилась слабая улыбка.

— Привет, дорогая. Прости, что так поздно.

Я подошла ближе, чувствуя, как нарастает волнение.

— Ты в порядке?

Она кивнула, но её взгляд снова потух.

— Просто очень устала. Много работы.

Я хотела спросить, что именно её так изматывает, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто обняла её. Её тело было напряжено, но она прижалась ко мне на мгновение, прежде чем отстраниться.

— Я пойду, лягу. – прошептала она.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри всё сжимается. Её усталость была не просто физической. Казалось, она несла на себе какой-то невидимый груз. И я, сидящая здесь, в этом тихом доме, чувствовала себя такой беспомощной. Моё решение поехать с ней в город завтра казалось теперь ещё более важным. Я должна была найти способ помочь ей, найти что-то, что могло бы облегчить её бремя, а заодно и моё собственное. И я часто думала, что Ливия видит мир иначе — не ярче, а внимательнее. Она замечала то, мимо чего я проходила, не моргнув глазом: едва уловимую дрожь в голосе случайного прохожего, тень, скользнувшую по стене слишком быстро, чтобы быть просто тенью, странный запах в воздухе, который я бы списала на ветер. И самое главное — она слушала не только слова. Она слушала паузы между ними, смотрела на то, как человек опускает глаза, как сжимаются его пальцы. Помню, как в том большом городе мы чуть не сняли комнату у человека, который улыбался слишком ровно. Я тогда думала только о том, что жильё дешёвое и близко к центру. А Ливия, едва переступив порог, вдруг сказала тихо, почти себе под нос: «Здесь не надо оставаться». Я начала спорить — мне казалось, она просто устала. Но она не спорила в ответ. Она просто собрала наши вещи, пока я ещё стояла посреди комнаты, и потянула меня к выходу. И только потом, через пару дней, я увидела в местных новостях заметку: того человека разыскивали за обман квартиросъёмщиков. Ливия тогда ничего не сказала. Только пожала плечами: «У него взгляд был такой… будто он уже мысленно нас выставил». Были и другие случаи — мелкие, но от этого не менее важные. Однажды мы шли по переулку, где всегда было тихо, и Ливия вдруг резко схватила меня за рукав и потянула в сторону, за угол. «Стой», — прошептала она, и я замерла, не понимая, в чём дело. Через несколько секунд сверху сорвался кусок старой водосточной трубы и рухнул ровно туда, где я только что собиралась пройти. Ливия и сама выглядела потрясённой — не потому, что предвидела, а потому, что успела среагировать. «Я просто услышала, как металл скрежещет», — сказала она потом. Но я-то знала: она услышала это раньше, чем любой другой. И сейчас, глядя на её потухшие глаза, я снова вспоминала эту её особенность. Ливия не из тех, кто паникует по пустякам. Если она выглядит уставшей и печальной — значит, она тянет на себе что-то тяжёлое, что-то, что заметила одной ей видимым чутьём. Она не станет кричать о беде — она будет стараться уберечь нас от неё молча, пока хватает сил. И именно поэтому моё решение поехать с ней в город казалось теперь не просто попыткой найти работу. Я хотела быть рядом, чтобы хоть раз стать для неё тем, кто заметит, если она начнёт падать. Чтобы подхватить её так же, как столько раз она подхватывала меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.